

А.В. Чудинов

С КЕМ ВОЕВАЛ РУССКИЙ МУЖИК В 1812 ГОДУ? ОБРАЗ ВРАГА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Вот затрещали барабаны
И отступили бусурманы.

М.Ю. Лермонтов «Бородино»

...Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие.

Л.Н. Толстой «Война и мир»

С кем воевали русские в 1812 г.? На первый взгляд вопрос этот может показаться странным, ведь даже школьнику известно, что в сей год «Москва, спаленная пожаром, *французу* отдана». Однако после небольшого размышления тот же школьник, если он, конечно, не завзятый двоечник, признает, что ответ, пожалуй, не столь однозначен. Россия в 1812 г. подверглась, как говорили уже в XIX в., «нашествию двенадцати языков», и взявший Москву «француз», помимо своей «титульной» национальности, мог принадлежать еще к двум десяткам других, предстатели которых составляли ровно половину Великой армии Наполеона.

Еще сложнее будет ответить на этот вопрос, если мы вспомним, что современники разных эпох нередко вкладывали в одинаковые этнонимы разные смыслы. Так, до XVIII в. «немцами» на Руси называли практически всех выходцев из Западной Европы, и только после петровских реформ это слово постепенно приобрело современное значение, став синонимом «германца»¹. Этноним один — содержание разное.

Иными словами, чтобы исчерпывающе ответить на поставленный нами вопрос, мало констатировать, что в 1812 г. врагами русских были французы (и их союзники), но необходимо прояснить, какой смысл вкладывали в понятие «французы» те русские люди, кто непосредственно пережил вторжение, попытаться их глазами увидеть образ этого врага.

Александр Иванович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Подробнее см., например: *Белобородова И.Н.* Этноним «немец» в России XVII—XX вв. (к проблеме формирования русской национальной идентичности) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

Насколько осуществима подобная задача? Интересующая нас эпоха оставила после себя огромное, почти неисчислимое количество источников: официальные документы, прессу, частную корреспонденцию, всевозможные дневники и мемуары, в которых так или иначе проявилось мнение их авторов о неприятеле. Казалось бы, вот она более чем достаточная основа для реконструкции образа врага. Однако все эти письменные свидетельства были по определению делом рук людей грамотных, в основном дворян и мещан, то есть отражали представления достаточно узкого слоя общества, ибо более 85% населения России начала XIX в. грамоты не ведало². И как же тогда узнать, что думало о происходившем то «безмолвствующее большинство», которое само письменных текстов не производило, но чьи собственно усилиями и была приведена в действие прославленная Л.Н. Толстым «дубина народной войны»?

Бесценным источником для историка здесь является фольклор – тексты устной традиции, создававшиеся народной массой и отражавшие ее мировосприятие. Изучение фольклора о войне 1812 г. в данном ракурсе представляется особенно перспективным. Письменная фиксация произведений народного творчества была поставлена на регулярную основу российскими этнографами и фольклористами именно в первой половине XIX в., когда еще живы были очевидцы наполеоновского нашествия. Соответственно мы обладаем многочисленными записями фольклорных текстов об Отечественной войне 1812 г., полученными, можно сказать, из первых рук – от ее современников. Заметим также, что наиболее «историчный» из жанров фольклора – историческая песня – тогда еще переживал свой расцвет, сменившийся с середины XIX в. постепенным угасанием³. Таким образом, мы попытаемся, обратившись к фольклору о войне 1812 г., понять: с кем же именно, согласно представлениям «низов» русского общества, прежде всего крестьян, они воевали в тот памятный год и каким виделся им этот враг.

Архетип иноземного захватчика

Сталкиваясь в своей жизни с чем-то необычным, человек неизбежно пытается сопоставить этот новый опыт с уже пережитым ранее, сравнить с тем, что хорошо знает, вписать в привычную для себя систему координат. Так же происходит и с массовым сознанием: оно тоже стремится адаптировать всякий новый феномен к уже имеющемуся коллективному историческому опыту, хранилищем которого служит историческая память.

² См.: *Rey M.P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie.* P., 2012. P. 24.

³ См.: *Литвин Э.С. Русская историческая песня первой половины XIX века // Исторические песни XIX века.* М., 1973. С. 14–16; *Азбелев С.Н. Русские исторические песни // Исторические песни.* М., 2001. С. 29–31.

Для поколения русских людей 1812 г. вторжение Великой армии в самое сердце России, безусловно, оказалось беспрецедентным потрясением. Если в эпоху Древней Руси проникновение вражеских сил в глубь русских земель случалось достаточно часто и даже в XVI в. крымские татары еще доходили до самой Москвы, то после трагических событий Смутного времени Российское государство вело войны лишь на своих границах. Даже нашествие Карла XII на Россию в 1708–1709 гг. коснулось лишь ее окраины — Украины. И вот теперь, два века спустя после изгнания из Москвы поляков — последних иноземных неприятелей, побывавших в древней российской столице — вражеские войска вновь расположились под сенью башен Кремля. Чтобы понять, как в массовом сознании россиян эта новая шокирующая реальность могла сопрягаться с предшествующим историческим опытом, мы, до того как обратиться к особенностям восприятия «безмолвствующим большинством» собственно событий 1812 г., сначала попробуем хотя бы в общих чертах понять, что хранила в себе историческая память этого поколения к моменту наполеоновского нашествия. И здесь для нас главным источником также станет фольклор.

О том, какие представления об историческом опыте прошлого бытовали в массовом сознании людей начала XIX в., мы можем судить по содержанию исторических песен и былин (на разные жанры их разделили фольклористы, народные же сказители называли то и другое «старинны»⁴), которые имели широкое хождение в народе, а также по преданиям, более узко локализованным. Хотя по своему происхождению эти произведения народной культуры (особенно былины) восходят к глубокой древности, большинство их текстов, находящихся в нашем распоряжении, было записано именно в XIX в., а потому может рассматриваться как своего рода слепок исторических представлений, бытовавших в массовом сознании того периода.

Отечественные специалисты ведут между собой давний спор о соотношении былинных образов и исторических событий. Более того, еще относительно недавно один из наиболее авторитетных в нашей стране специалистов по данной тематике констатировал, что «проблема отражения исторической действительности народным эпосом остается центральной в исследовательской интерпретации былин»⁵. Однако нас сейчас интересует не то, насколько изложенное в фольклорных текстах согласуется с содержанием летописей, а то, какую именно картину прошлого рисовали эти произведения устной культуры, отражая и одновременно формируя представления тех, кому из-за своей неграмотности были недоступны какие-либо другие источники знаний об истории.

⁴ *Азбелев С. Н.* Русские исторические песни. С. 5.

⁵ *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 5.

Картина сия была довольно специфична и весьма отличалась от тех исторических представлений, которыми обладали тогда люди, приобщенные к книжной культуре и читавшие труды по русской истории, скажем, В.Н. Татищева или П. Левека. Хотя в этой картине коллективной памяти и были отображены основные события истории России с древних времен, но без какой бы то ни было детализации – крупными штрихами, нередко в утрированном и даже фантастическом виде. Так, из многочисленных иноземных недругов Древнерусского государства – хазар, печенегов, половцев, торков и др. – народная память сохранила лишь одного – татар. В былинах Киевского цикла, составляющих наиболее древний пласт исторического фольклора, русские богатыри сражаются практически исключительно с татарами (не считая мифических чудовищ). Именно татарские рати постоянно вторгаются там в православные земли, подступая к Киеву, Чернигову и даже Царьграду и поражая воображение своими гигантскими размерами:

Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржания от лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-края силушке наехати.
Он повысочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог⁶.

Очевидно, тот шок, который Русь испытала от татаро-монгольского нашествия XIII в., оказался столь силен, что травмирующие воспоминания о нем вытеснили из коллективной памяти народа образы всех других иноземных захватчиков, до того приходивших в русские земли. Характерно, что возглавлявший татаро-монгольские войска Бату-хан, известный на Руси как хан Батый, вошел в русский фольклор под именами Баття Батьевича, Батыря, Батура Батвесова, Батыги, Батырина, Бузыгина и проч. как один из наиболее колоритных негативных персонажей:

Из-за моря, моря синего.
Из-за синего моря, из-за Черного,

⁶ Илья Муромец и Калин-царь // Былины / Сост. Ф.М. Селиванов. М., 1988. С. 125.

Подымался Батый-царь сын Батыевич
<...>
Подошел собака под стольный Киев-град,
Спускал собака якори булатные,
Выпущал шеймы⁷ шелкóвые,
Выметывал сходенки дубовые,
Выходил на круг-красён бережок,
Раздернул бел-полóтняный шатер,
Поставил в шатер дубовый стол.
Писал ярлыки скорописчаты.
Скрычал зычным голосом богáтырским.
Созывал своих мурзóв-бурзóв, татаровой...⁸

Шокирующие воспоминания XIII в. были еще прочнее закреплены и углублены в исторической памяти русского народа двумя последующими столетиями татаро-монгольского ига, которые, помимо изнурительного фискального гнета Золотой Орды, запомнились также новыми опустошительными походами татар на Русь, а после падения ига и краха в XV в. Золотой Орды – еще тремя столетиями борьбы против татар казанских (XVI в.) и крымских (XVI–XVIII вв.). Неудивительно, что в результате столь длительного опыта вооруженного противостояния двух народов этноним «татары» фактически стал синонимом иноземного врага в русском фольклоре, посвященном ранним этапам истории.

Вместе с тем при внимательном рассмотрении текстов устного народного творчества не трудно заметить, что образ «татар» в фольклоре XIX в. отнюдь не совпадает с образом одноименного исторического этноса, представленным в книжной культуре того же времени, а оказывается значительно шире него. образу былинных «татар» присущи черты не только тех татар, что реально существовали в истории и о которых мы знаем по документальным источникам, но и других народов, в разное время выступавших военными противниками русских.

Одним из наиболее опасных врагов домонгольской Руси были половцы. Летописи изобилуют сообщениями о набегах половецких ханов на русские земли и о военных походах русских князей в половецкую Степь. В фольклоре же XIX в. мы можем найти лишь считанные, едва различимые следы этого великого противостояния, продолжавшегося с XI по XIII вв. Непосредственно производное от этого этнонима – «половецкая земля» – встречается в фольклорных текстах, как отмечает известный

⁷ Якорные канаты.

⁸ Илья Муромец и Батый Батыевич // Былины. С. 184–185.

специалист по данной теме Ф.М. Селиванов, лишь единожды⁹, а именно в былине «Царь Саул Леванидович»:

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну Орду, в *Половецку* землю,
Братъ дани и невыплаты¹⁰.

В искаженном виде это прилагательное использовано и в одном из вариантов былины «Добрыня Никитич и Василий Казимирович»:

Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, *Поленецкую*.
К царю Батуру ко Батвесову?
Кто бы сvez ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена — за двенадцать лет?¹¹

Еще одним едва различимым «половецким» следом в фольклоре являются имена собственные некоторых героев былин: Тугарин (Тугарище), которое традиционно считается производной формой от имени половецкого хана XI в. Тугоркана¹², и Кудреван (Кудреванко), прототипом которого некоторые ученые считают половецкого хана XII в. Шарукана¹³.

Однако все эти «половецкие» следы являются всего лишь штрихами доминирующего образа — «татар». Хотя царь Саул Леванидович и поехал в землю Половецкую, последовавший за ним его сын Костентинушко Саулович вынужден был вступить в сражение с «татарами». Земля «Поленецкая», куда направились Добрыня и Василий Казимирович, тоже населена «татарами», а правит ими царь Батур Батвесов, то есть все тот же Батый. В других же версиях этой былины героев и вовсе без обиняков отправляют «Во Большу де орду да прокляту землю, А к тому же ко Батею сыну Батеевичу»¹⁴. Что касается двух злодеев-супостатов Тугарина и Кудревана, то если их прототипами когда-то и были половецкие ханы, это давным-давно забылось, и в былинах они предстают «татарами». В некоторых вариантах былины «Мамаево побоище» Кудреван и вовсе

⁹ Былины. С. 540

¹⁰ Там же. С. 270.

¹¹ Василий Казимерский // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подг. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974. С. 78.

¹² Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 150–151.

¹³ Былины. С. 538.

¹⁴ Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу // Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 86.

занимает место исторического Мамаю во главе татарского войска, а его посол Тугарище доставляет татарский ультиматум в Киев¹⁵.

Итак, как мы видим, в русском фольклоре образ «татар» оказывается шире исторического образа одноименного народа, поскольку включает в себя также образы противников Русского государства домонгольской эпохи. Но и этим дело не ограничилось: точно такой же абсорбции подверглись в народном творчестве и образы других врагов Руси — современников татаро-монгольского нашествия. В данном отношении весьма характерна народная песня «Александр Невский», записанная в XIX в. Как известно из истории, сей князь прославился своими победами над шведами и рыцарями Ливонского ордена, воевал он и против литовцев, а вот с татарами, напротив, вполне успешно находил общий язык, проявляя незаурядные дипломатические способности. Однако в указанной народной песне Александр Невский сражается именно с татарами, причем с ...крымскими, и побеждает их:

И наслал Бог на них
Казни лютыя,
Казни лютыя, смертоносныя:
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей,
Нечестивых людей, татар крымских.
Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили
Земли русския.
Добрались-то они до святого места,
До славнаго Великаго Новагорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога Вышняго.
И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал нечестивых татар...¹⁶

Собирательность образа врага проявляется здесь не только в явном анахронизме — переносе появившегося лишь в XV в. народа крымских татар в XIII в., когда жил Александр Невский, но и в маршруте, которым «поганое племя» добралось до Новгорода — «от севера на юг». Таким путем туда могли прийти только шведы. Иными словами, фольклорный образ

¹⁵ См.: Мамаево побоище // Былины. С. 191–202.

¹⁶ Исторические песни. С. 46.

«татар» вобрал в себя также тех иноземцев, кто угрожал русским землям с запада и с кем реально сражался князь Александр Ярославович.

Впрочем, и этим «абсорбирующие способности» представленного в фольклорной традиции образа «татар» не исчерпываются. Он вбирает в себя и образы тех иноземных врагов Русского государства, которые вышли на историческую сцену уже после татаро-монгольского нашествия. В XIV–XVI вв. таким соперником московских князей в борьбе за гегемонию над бывшими землями Киевской Руси было Великое княжество Литовское. Отголоском их многовекового конфликта стало употребление в русском фольклоре понятие «литва» (со строчной буквы!) как собирательного наименования врагов Руси. Любопытно, что, хотя своим происхождением оно было обязано совсем другому народу, чем татары, причем народу с татарами нередко воевавшему, в коллективном воображаемом народной культуры оно оказалось тесно связано с фольклорным образом «татар», став фактически синонимом слова «орда». Так, встречая нового человека, былинные герои, чтобы узнать, откуда он, спрашивают: «Ты из какой орды, из какой литвы?»¹⁷ В некоторых вариантах вышеупомянутой былины о Добрыне и Василии Казимировиче этих богатырей посылают везти дань не в «поленецкую землю», а в «литовскую»:

Ну уж вы думайте-тко думу, не продумайте,
Нам кого послать во землю во литовскую,
Отвести туды да дани-выходы,
За все стары годы да за нынешни...¹⁸

И хотя столица этой «земли литовской» находится почему-то в «Ярослав-городе», там их точно так же, как и в «поленецкой», поджидают «татары» с «князем Ботияном Ботияновичем» (еще одно имя Батя) во главе¹⁹. В былине «Царь Саул Левонидович» коварные мужички из Углича заманивают Костентинушко Сауловича в ловушку такими посулами:

А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебя поставим царем в Орду, королем в Литву²⁰.

И напротив, в народной песне о смерти жены Ивана Грозного та перед своей кончиной предостерегает супруга:

Не женись-ко-се ты в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы, орды поганя...²¹

¹⁷ См.: Былины. С. 538.

¹⁸ Добрыня и Василий Казимирович // Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 99.

¹⁹ Там же. С. 106–109.

²⁰ Былины. С. 276.

²¹ Смерть царицы Анастасии Романовны // Исторические песни. С. 89.

В былине же «Потап Артамонович» слово «литва» и вовсе синоним татарского войска:

Въехал он в силу, в прокляту литву,
Сколько-то силы он саблей секет,
Вдвое-втрое он конем топчет.
Первый перéкоп конь перескочил,
Второй перéкоп конь пéренес,
А в третьем перéкопе конь обрушился,
Пал-то конь да во глубок погреб.
Наскакало татар да много-множество...²²

После заключения в XVI в. унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством на западных рубежах России возник новый опасный соперник — Речь Посполитая, с которым русским на протяжении всего XVII в. не раз приходилось скрещивать оружие. Появление нового врага отмечено в русском фольклоре использованием еще одного слова для обозначения иноземного неприятеля — «паны». Однако и этот термин не был отделен в народном сознании от ранее существовавшего образа врага, а стал еще одним из его дополнений. Понятия «татары», «литва» и «паны» практически не разделялись в устном народном творчестве, а употреблялись вперемежку. Так, в былине «Данило Игнатъевич и сын его Михайло» уже знакомый нам «татарский» царь Кудреван следующим образом обращается к своим приближенным:

Уж вы ой еси, пановья мои улановья!
Еще все мои мурзы-татаровья!
Еще кто из вас съездил бы в красен Киев-град
Да свез бы ярлыки да скорописчаты
Ко тому же ко князю да ко Владимиру?²³

Интересно заметить, что смешение польского и татарского здесь проявляется не только в том, что «татарский» царь использует польское обращение «пановья», но и в употреблении польско-татарского термина «улары» («улановья») — так изначально именовалась легкая татарская кавалерия, состоявшая на службе у польского короля.

Столь же синкретичен образ иноземного врага и в таком специфическом жанре фольклора, как предания. Как отмечает изучавшая их В. К. Соколова, «“Татары”, “литва”, “паны” характеризуются в общем одинаково; в разных местах о них часто рассказывают одно и то же. Краткость и обобщенность таких преданий является в значительной

²² Былины. С. 258.

²³ Там же. С. 242.

мере результатом забвения конкретных исторических деталей — все это рисуется как давно прошедшее»²⁴.

Впрочем, в фольклоре XIX в. этническая идентичность иноземного неприятеля оказывается размыта и когда речь идет о событиях не столь отдаленных. С начала XVIII в. наиболее часто военным противником России была Османская империя. На протяжении только этого столетия имели место четыре русско-турецкие войны, в следующем веке еще столько же. Однако в народной культуре образ нового недруга так же, как и всех предшествующих, не занял какого-либо отдельного места, а «соединился» с уже существующим синкретичным образом внешнего врага. В результате фольклорные тексты наполнились самыми неожиданными вербальными конструкциями, такими, например, как обращение к султану «Турецкий пан» в былине «Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле»:

Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел Турецкий пан,
Турецкий пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович²⁵.

Характерно, что в другом варианте этой же былины место подобного злодея со смешанной «польско-турецкой» идентичностью легко занимают «крымские татары» и «калмыки»:

Нападали на Сокол-корабль черны вороны,
Ну крымские татара со калмыгами,
Ну хотели-то Сокол-корабль разбить, разгромить,
Ну разбить, разгромить и живком задавить²⁶.

И напротив, в популярной у народа песне «Авдотья Рязаночка» «турки» столь же органично подменяют собою «татар»:

Подступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю²⁷.

Специалисты по фольклору спорят, идет ли речь в этой песне о разорении татаро-монголами Рязани в XIII в. или о каком-либо эпизоде противостояния Московского государства и Казанского ханства в

²⁴ Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 34.

²⁵ Былины. С. 203.

²⁶ О Соколе-корабле // Илья Муромец / Подг. А.М. Астаховой. М., 1958. С. 286.

²⁷ Исторические песни. С. 63.

XVI в.²⁸, однако бесспорно, что «турецкая» тема оказалась привнесена в текст песни гораздо позднее. Но то, что она безболезненно для архитектоники самого произведения заменила тему «татарскую», убедительно показывает, что этническая характеристика неприятеля не имела для народных сказителей какого-либо значения — речь шла всего лишь о разных именах единого, собирательного образа иностранного врага.

Настоящим апофеозом подобного синкретизма является хорошо известная фольклористам народная песня «Михаил Скопин»²⁹, повествующая о князе М. В. Скопине-Шуйском. Этот талантливый русский военачальник периода Смутного времени успешно сражался во главе русско-шведских сил против поляков. Однако врагами фольклорного героя оказывается широкий спектр народов, против которых русским приходилось воевать начиная с эпохи Средневековья и по XVIII в.: от былинной «сорочины» (сарацин) до живущих на Камчатке коряков («олюторов»).

Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила — сорочина долгополая,
И те черкесы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами³⁰.

Очевидно, по мере бытования песни к тем народам — противникам Московского царства, что были упомянуты в ней изначально, постепенно прибавлялись новые, более «актуальные» для последующих эпох, но о которых во времена Скопина и слухом не слыхивали. Схожий и столь же «составной» образ врага присутствует и в том варианте былины о Добрыне, что записал в XVIII в. Кириша Данилов:

И поехал Добрыня Никитич млад
В славныя орды немирныя.
А и ездит Добрыня неделю в них,
В тех ордах немирных,
А и ездит уже другую,
Рубит чужь белоглазую
И тое сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорских,
А и тех калмык с татарами,

²⁸ См., например: *Амелькин А. О.* О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке // *Русский фольклор.* Т. 29. СПб., 1996.

²⁹ Подробный анализ ее см.: *Азбелев С. Н.* Историзм былин... С. 43–75.

³⁰ Исторические песни. С. 116.

И чукши все и алюторы, —
Всяким языком спуску нет³¹.

Как видим, в коллективном воображаемом русского фольклора присутствует единый, собирательный образ врага, не имеющий четко выраженной этнической идентичности. Если даже в каких-либо текстах с этим образом и сопрягаются те или иные этнонимы, то они носят настолько абстрактный характер, что в других вариантах того же текста могут быть легко заменены иными без ущерба для общего содержания. Вместе с тем, из констатации «размытого» характера этнической принадлежности фольклорного врага отнюдь не следует, что его образ и в целом был столь же аморфен и амбивалентен. Напротив, этот образ обладает рядом четких и ярко выраженных черт, постоянно повторяющихся в его портрете.

Первой из таких черт отметим антихристианскую сущность врага. В русском фольклоре родная земля — это *Святая Русь*, и любой ее недруг по определению является врагом православной церкви и христианства в целом. У некоторых фольклорных антигероев их враждебность к христианству выражена даже в имени. Так, имя татарского богатыря (в некоторых вариантах — царя) Идолище Поганое уже само по себе символизирует язычество, поскольку в старорусском языке прилагательное «поганый» было синонимом «языческий». И действия этого персонажа, захватывающего в одних былинах Киев, в других — Царьград, в полной мере соответствовали его сущности «нехристя»:

Как Царе-граде нынче не по-старому,
В Царе-граде нынче не по-прежнему.
Одолели поганые татаровья,
Наехало поганое Идолище.
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во божьих церквях там коней кормят³².

А вот что обещает киевлянам еще один былинный антигерой — богатырь Сокольник, побочный сын Ильи Муромца, находящийся на службе у «татар»:

Да и еду я нонь да в стольный Киев-град,
Да грометь-шурмовать да в стольный Киев-град,
Я соборны больши церкви на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огне сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу,

³¹ Добрыня чюдь покори // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 108.

³² Илья Муромец и Идолище в Царьграде // Былины. С. 157.

Чудны образа-иконы на поплавах воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню за себя возьму³³.

Тема разорения неприятелем храмов и, в частности, превращения церквей в конюшни, надругательства над иконами и Священным Писанием проходит красной нитью через все тексты об иноземных нашествиях.

Представления об имманентной враждебности иноземных недругов к христианству ярко проявились в определении их обобщающим понятием «басурмане» («бусурмане»). Термин этот произошел от названия мусульманских откупщиков «бесерменов», собиравших в русских землях дань для Золотой Орды, и имел четко выраженные отрицательные коннотации. В XIX в. он использовался для обозначения мусульман, обычно в негативном контексте, а в более широком смысле — всех иноземных врагов вообще³⁴, ибо те по определению считались людьми иной, враждебной христианству веры. В фольклоре понятие «басурмане» применяется ко всем недругам вне зависимости от исторической эпохи, о которой идет речь. Этим определением, например, в былине «Илья Муромец в изгнании и Идолище» характеризуется «татарское» войско, подступившее к Киеву:

Насобирал-то силы всё татарскою,
Он татарскою силы, басурманскою,
Насобирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила татарска-басурманская,
Подошла эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву³⁵.

В исторической песне «Ермак у Ивана Грозного» знаменитый атаман зовет казаков идти в Сибирь походом против басурман:

Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоеем мы царство Сибирское³⁶.

³³ Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник) // Былины. С. 166–167.

³⁴ К примеру, В.И. Даль предлагает ему такое определение: «*БАСУРМАН*, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собирав. неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиатец или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманство ср. басурманщина; состояние, вера басурмана; мусульманство, ислаимизм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом о), обращать в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские». — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863. Т. 1.

³⁵ Былины. С. 150.

³⁶ Исторические песни. С. 107.

В песне же «Ермак и турки» и место действия уже другое – Азовское море (на котором исторический Ермак едва ли когда-то бывал), и противник иной – турки, а коллизия всё та же – казаки воюют с басурманами:

Речь возговорит надежда атаман,
Ермолай наш Тимофеевич:
«Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке по медненькой,
Разбивайте корабли басурманские!
Мы достанем много золота
И турецкого оружия»³⁷.

Еще одна характерная черта изображенного в фольклорных произведениях иноземного захватчика – его хищническая, грабительская сущность. Как отмечает В.А. Соколова, «это традиционная характеристика всех старинных иноземных пришельцев – они избивали и мучили население, насиловали женщин, грабили и жгли села»³⁸. Былинные тексты изобилуют перечнями бесчинств, которые совершают или собираются вершить пришедшие извне враги:

Илья Муромец и Калин-царь

Как под нашим-то городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить он хочет стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить...³⁹

Илья Муромец и Батый Батыевич

[Батый] Похваляется: «Дашь – не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгиней в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь реки.
Добрых молодцев полоню станицами,
Красных девушек пленницами,
Добрых коней табунами»⁴⁰.

³⁷ Исторические песни. С. 82.

³⁸ Соколова В.К. Указ. соч. С. С. 35. Ср.: «Былинный враг, нападающий на Русь, всегда жесток и безжалостен, он намерен уничтожить народ, его государственность, культуру, святыни». – Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Былины. С. 8.

³⁹ Былины. С. 127.

⁴⁰ Там же. С. 187.

Данила Игнатьевич и сын его Михайло
 [Кудреван-царь:] «Ты добром нам отдашь, дак мы добром возьмем,
 Ты добром не отдашь, да за боём возьмем.
 Еще божьи-те церкви мы под дым спустим,
 Еще золото и серебро повыграбим,
 Красных девушек выгоним толпицами,
 Молодых-то молодиц да табуницами,
 Еще князю я Владимиру голову срублю,
 А княгинюшку Опраксию за себя возьму»⁴¹.

И подобные цитаты можно множить до бесконечности. Столь же выразительно бесчинства врагов изображаются не только в былинах, но и в других фольклорных жанрах, как видно из вышеприведенных отрывков исторических песен «Александр Невский» и «Авдотья Рязаночка».

И наконец, третьей характерной чертой собирательного образа иноземного неприятеля можно признать связанный с ним дегуманизирующий (обесчеловечивающий) его дискурс. Порою последний выражается в невероятной, утрированной гиперболизации злой воли врага. Тому вменялась в вину не просто жестокость — в древности она была в обращении с недругами скорее правилом, нежели исключением, о чем мы можем судить по поступкам даже положительных героев былин — а избыточная жестокость, выходящая за грань мыслимого. С. Н. Азбелев видит в таком изображении фольклорного неприятеля отголоски старинных хулильных песен, которым, подобно скандинавскому ниуду, приписывалась магическая сила, способная навредить реальному врагу⁴². Ярким примером такого обесчеловеченного образа неприятеля является Щелкан, герой одноименной народной песни. Его исторический прототип, татарский наместник Чолхан явно не отличался мягким нравом, поскольку своими бесчинствами спровоцировал в 1327 г. жителей Твери на отчаянное восстание, стоившее самому Чолхану жизни, а городу разорения. Однако литературный Щелкан превосходит и его в своей жестокости, убивая собственного сына и вкушая его кровь для того, чтобы получить правление в Твери:

Втапоры млад Щелкан
 Сына своего заколол,
 Чашу крови нацадил,
 Крови горячия,
 Выпил чашу тоя крови горячия.
 И втапоры царь Азвяк
 За то его пожаловал

⁴¹ Былины. С. 244.

⁴² См.: Азбелев С. Н. Русские исторические песни. С. 11.

Тверью старою,
Тверью богатою...⁴³

Другой пример столь же иррациональной, немислимой жестокости мы видим в предании о «литве», которое приводит В.К. Соколова: «Самую же большую тревогу Вязовской волости, говорит то же предание, сделала литва, которая якобы маленьких ребятишек тискала за лавки и жарила на сковрадах, а больших секла, храмы божие обращала в конские стойла, а из образов делала ящики для корма лошадей»⁴⁴. И если большинство перечисленных деяний вполне соответствует «обычному» для исторического фольклора поведению неприятеля, то факт поджаривания детей на сковородах, по мнению исследователей, выводит описанное за грань возможного: «реальные враги начинали уже ассоциироваться с отрицательными сказочными персонажами»⁴⁵.

Впрочем, гораздо чаще дегуманизирующий дискурс по отношению к иностранным недругам проявлялся в зооморфных эпитетах, сопровождавших их имена, и соответствующих обращениях к ним, наиболее распространенным из которых было «собака»:

Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины.
<...>
Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины⁴⁶.

Те читатели, кто смотрел популярную комедию Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», вероятно, помнят эпизод, когда мнимый самодержец прогневался на певцов за употребление эпитета «собака» по отношению к царю, пусть и крымскому. Между тем подобное сочетание, казалось бы, несочетаемого отнюдь не было придумано сценаристом для усиления комического эффекта. В фильме, действительно, исполнялась старинная народная песня «Набег крымского хана»:

А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули:
Куда едет собака крымской царь?⁴⁷

⁴³ Щелкан // Исторические песни. С. 50.

⁴⁴ Соколова В.К. Указ. соч. С. С. 35.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Добрыня Никитич и Василий Казимирович // Былины. С. 89, 91.

⁴⁷ Исторические песни. С. 101.

Такой же эпитет используется в песне «Оборона Пскова» в отношении вражеского короля неопределенной национальности (его историческим прототипом был Стефан Баторий):

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков⁴⁸.

Как видим, в коллективной памяти «безмолвного большинства» русского общества на протяжении столетий существовал единый, синкретичный образ иноземного врага, обладавший такими ярко выраженными специфическими чертами, как враждебность к христианству, хищническая сущность, бесчеловечность, но при этом лишенный сколько-нибудь четко обозначенной этнической идентичности. Коллективные воспоминания о появлявшихся в разные исторические эпохи иноземных недругах оказались интегрированы в нечто целое, став частью единого и практически не менявшегося со временем архетипа Врага.

Образ французов как врага в коллективном воображаемом

Прямые контакты между русскими и французами приобрели достаточно широкий характер относительно поздно — во второй половине XVIII в., когда среди российских элит воцарилась мода на франкофонию и новинки французской культуры, как духовной, так и материальной. В Россию один за другим, а порою и целыми семьями, потянулись французские гувернеры, художники, скульпторы, архитекторы, портные, парикмахеры, колонисты, военные — французская диаспора быстро росла. Тогда же образ француза вошел и в русскую литературу, где он, правда, носил преимущественно негативную окраску и фигурировал в контексте борьбы российских писателей с галломанией. Опасаясь утраты русскими своей национальной идентичности, литераторы того времени сурово критиковали слепое преклонение перед всем французским.

В народной же культуре XVIII в. образ француза как таковой практически отсутствует. Если в дискурсе «высокой» литературы дихотомия «свой» — «чужой» выражалась противопоставлением «русский» — «французский» (или шире — «иностраный»), то в представлении народа к сфере «чужого» относилась, прежде всего, культура социальных «верхов», одним из характерных признаков которой была именно ее «иностранность», «французскость». По наблюдению Е. С. Берёзкиной, изучавшей применение этнонимической лексики в русском фольклоре, прилагательное «французский» в лирических песнях, отражающих повседневно-

⁴⁸ Исторические песни. С. 102.

ность народной жизни, связано с миром вещей далекой от крестьянского быта культуры дворян и их окружения⁴⁹.

Иначе говоря, «французское» воспринималось как «чужое» не столько потому, что было «нерусским», сколько потому, что принадлежало к «чужому» миру – миру европеизированной культуры господствующего класса, противостоявшего миру традиционной народной культуры. Действительно, ни в языке, ни в одежде, ни в манерах, ни в быте живших в России иностранцев не было сколько-нибудь радикальных, качественных отличий от соответствующих сторон жизни русского дворянства, тогда как кардинальные различия культурных практик дворян и крестьян дают основание говорить о двух параллельно существовавших мирах. И даже в произведениях фольклора XIX в. элементы быта, имевшие явно французское происхождение, сатирически описываются как атрибуты «чужой», но не иностранной, а «барской» жизни⁵⁰. К примеру, в одном из монологов раешного «деда» говорилось:

А знаете, ребята, я ведь в поварях служил, право!
И вот скажу я вам, например,
Вот послушайте, да не напирайте,
Как готовил я обед на барский манер.
А слюнки потекут – не кулаком, а платком утирайте,
По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед:
(Показывает исписанный каракулями лист)
Это у бар зовется «меню»,
Так и я это прозвище не переменю.
Первое: суп-санте
На холодной воде,
Крупинка за крупинкой
Гоняются с дубинкой.
На второе: пирог –
Начинка из лягушачьих ног,
С луком, с перцем
Да с собачьим сердцем.
На третье, значит, сладкое,
Да, сказать по правде, такое гадкое:
Не то желе, не то вроде торту.
Только меня за него послали к черту⁵¹.

⁴⁹ Берёзкина Е.С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве. Орел, 2001. Гл. 3. 1.2.

⁵⁰ Подробнее: Tchoudinov A. L'image du Français dans le folklore russe // L'Image de l'Étranger. P., 2010.

⁵¹ Народно-поэтическая сатира. Л., 1960. С. 274.

Диковинные для русской речи кулинарные термины «меню», суп-санте» (вероятно, от фр. *sanié* — здоровье), «желе», «торт» и перечисленные здесь не менее диковинные блюда, имевшие французское происхождение, вроде пирога с начинкой из лягушачьих ног, подчеркивают разительное отличие образа жизни своих, *русских* «бар» от народного быта.

Первые упоминания в русском фольклоре о собственно французах появились лишь в связи с войной между Россией и Францией 1798—1799 гг., а именно в народных преданиях о переходе Суворова через Альпы. В той военной кампании приняли участие десятки тысяч русских солдат, получившие в результате возможность по личным впечатлениям составить образ француза как иноземного врага. Найдя затем отражение в устном народном творчестве, этот образ, тем не менее, не получил сколько-нибудь самостоятельного бытования и по уже знакомой нам схеме «соединился» с синкретичным образом врага, выстроенным согласно древнему архетипу. И, как прежде, этот враг оказался лишен сколько-нибудь ярко выраженной этнической идентичности. Некоторые сказители, повествуя о переходе Суворова «через горы», определяли его врагов как «турок»⁵²: содержание описываемой коллизии от такой замены ничуть не страдало — турки ли, французы ли, но во всех случаях православные русские воины сражались против иноземных «нехристей». Именно «нехристей», поскольку, хотя реальные французы и были народом христианским, в фольклоре они, согласно традиционному архетипу, изображались врагами христианской веры, вступившими в сговор с самим дьяволом. Вот как в одном из преданий повествуется о взятии русскими солдатами перевала Сен-Готард:

Раз как-то в Альпийском походе, когда наши подступили к «заоблачной» горе и не могли взобраться по ледяным откосам, дедушка [Суворов], видя, что это работа хитрого черта, условившегося помогать французам за сто душ наших пленных, приказал своим солдатам прочитать молитву да осениться крестным знаменем — и чары разрушились сами собою, и батальоны наши бодро полезли на снежные вершины и выбили врага из непроходимых дебрей⁵³.

По той же схеме изображается и бой за Чертов мост, где мотив противоборства «православного воинства» с «безбожным» неприятелем усилен особенностью топонимики места действия:

При переходе через знаменитый Чертов мост черт употребил все свои усилия, чтобы не пустить православных воинов. Он то скрывал от взо-

⁵² См.: Переход через горы // Легенды. Предания. Небывальщины. М., 1989. С. 144—147.

⁵³ Елисеев А. В. Народные предания о Суворове // Древняя и Новая Россия. 1879. № 8. С. 338.

ра наших солдат края провала, затемняя их каким-то адским дымом, то рушил с грохотом переброшенные нами мостины, то засыпал наших громадными снежными лавинами, то наводил на наших французские ружья и пушки и, наоборот, — отводил наши от врага. Дедушка Суворов и тут помог своим. Он отслужил молебен, осенил тьму крестным благословением и, окропив ущелье святою водою, уничтожил чары дьявола, крестом рассеял тьму, отвел неприятельское огневое оружие и приказал сделать неразрушимый мост из бревен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как вещи эти, снятые с пострадавших за веру, имели чудную силу, которая скрепила мост лучше железных болтов⁵⁴.

Другая архетипическая черта иноземных захватчиков в русском фольклоре — жестокость к мирным жителям, склонность к грабежу и мародерству — выражена в преданиях о борьбе Суворове с французами слабее, возможно, потому что военные действия велись за рубежом. Тем не менее присутствует и она: «Прогнал Суворов из Италии французов, а враг тем временем уже в тыл зашел, громит швейцарские деревушки»⁵⁵.

Хотя образ француза как иноземного врага вошел в русский фольклор еще до 1812 г., тем не менее, было бы логично ожидать, что наполеоновское нашествие приведет к какой-либо его трансформации или, по крайней мере, к большей детализации. Количество русских людей, вступивших в непосредственный контакт с французами, насчитывало в 1812 г. уже не десятки тысяч, как во время кампаний 1798—1799 и 1805—1807 гг., а миллионы, поскольку Великая армия вторглась в самое сердце русских земель. Враг громил уже не швейцарские деревушки, а города и села Центральной России. Ни современники Отечественной войны, ни их отцы, ни деды ранее не видели ничего подобного. Однако эта абсолютно новая для того поколения коллизия отразилась в фольклоре как хорошо *незабытое* старое. Ни о каких специфических особенностях освещения событий Отечественной войны в устном народном творчестве или хотя бы большей детализации в их описании речи не идет: весь конфликт от начала и до конца представлен в виде серии ставших к тому времени уже традиционными для исторического фольклора сюжетов, не имевших практически никакой связи с тем, что реально происходило в 1812 г.

Начало войны безымянные творцы народных песен описывали фабулой, хорошо известной еще по былинам: иноземный злодей отправляет дерзкое письмо государю земли русской:

⁵⁴ Елисеев А.В. Народные предания о Суворове // Древняя и Новая Россия. 1879. № 8. С. 338.

⁵⁵ Народная проза. М., 1992. С. 248.

Илья Муромец в изгнании и Идолище

Написал он в ярлычках скорописчатых:
 «Я зайду, зайду, Идолище, во Киев-град,
 Я ведь выжгу Киев-град, божьи церкви;
 Выбирался-то чтобы князь из палатушек:
 Я займу, займу палаты белокаменны,
 Только я пушу в палаты белокаменны —
 Опраксеюшку возьму всё Королевичну;
 Я Владимира-то князя поставлю на меня
 варить»⁵⁶.

Французский король пишет письмо Александру

Наполеон-король пишет нашему царю белому:
 «Я прошу тебя, православный царь, не про-
 гневаться,
 Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
 В своем стольном городе, кременной Москве.
 Господам нашим генералушкам по своим
 купцам,
 А мне, Наполеону-королю, свои царские
 палаты!»⁵⁷

И так же, в соответствии с былинным архетипом поведения князя Владимира в аналогичной ситуации, разные варианты этой же песни характеризуют реакцию Александра I на брошенный ему вызов:

Илья Муромец и Калин-царь

Тут Владимир князь да стольнокиевский,
 Он по горенке да стал похаживать,
 С ясных очушек он ронит слезы горячие,
 Шелковым платком князь утирается...⁵⁸.

**Французский король пишет письмо Александру
(другой вариант)**

Как на ту пору наш православный царь
 А он крепко призадумался,
 Его царская коронушка
 К земле она приклонилась,
 Его царская персонушка
 В лице она переменялась...⁵⁹

Роль же «утешителей» царя, которую по отношению к былинному князю Владимиру выполняют богатыри, здесь берут на себя наиболее популярные герои фольклора о 1812 г. — «генералушка» Кутузов и атаман Платов. Последний в народном творчестве об Отечественной войне выступает в той же ипостаси, что Илья Муромец в былинах — богатырь из народа. Одна из наиболее популярных песен о войне 1812 г. (она зафиксирована фольклористами в наибольшем количестве вариаций⁶⁰), повествующая, как переодетый Платов побывал на обеде у Наполеона, обыгрывает сюжет былины об Илье Муромце и об Идолище. Как Илья Муромец, облачившись в рубище калики перехожей, приходит к Идолищу на трапезу и ведет с ним застольную беседу, так и Платов в одежде купца приходит к Наполеону:

⁵⁶ Былины. С. 150.

⁵⁷ Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 44.

⁵⁸ Былины. С. 123.

⁵⁹ Исторические песни XIX века. С. 46.

⁶⁰ См. Там же. С. 328.

Илья Муромец и Идолище в Царьграде

Как тут это поганое Идолище
Взывает он калику на допрос к себе:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика не утай себя:
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?
Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зелена вина?»
Как тут калика была русская,
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеве
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом ровным с меня,
А мы с им были братья крестовые...»⁶¹.

Платов в гостях у француза

Француз его не узнал,
За купца его считал.
К себе в гости зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки подносил,
Купца милости просил:
«Уж ты кушай, ты купец,
Кушай, добрый молодец,
Я и сам в Москве бывал,
Всех господ, купцов знавал,
Я не знал лишь одного –
Вот Платова-казака.
Кто б про Платова сказал,
Тому б злата много дал». «На что злато терять,
Его можно так видать:
Он на личико такой,
Словно братец мой родной,
Его волосы русые –
Настоящие мои»⁶².

Сражения 1812 г. с французами тоже описываются в фольклоре с применением тех же стилистических приемов, что и битвы с иноземными врагами в предшествующие столетия:

На поле Куликовом

...Льется кровь богатырская
По седельцам по кованым,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шеломы златенные
Добрым коням под копыта,
Валяются головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю⁶³.

Начало Бородинского боя

Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек –
Покатились с могучих плеч
Головушки.
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны.⁶⁴

Таким образом, в коллективном воображаемом русского народа французское вторжение встало в один ряд с иноземными нашествиями былых времен, историческая память о которых сохранялась на протяжении многих веков в устном народном творчестве. Неудивительно

⁶¹ Былины. С. 159.

⁶² Исторические песни XIX века. С. 90.

⁶³ Исторические песни. С. 53.

⁶⁴ Там же. С. 271

поэтому, что образ нового врага строится в соответствии с традиционным архетипом захватчика, все черты которого в полной мере оказались представлены в фольклоре о 1812 г.

Так же, как и неприятелю из фольклорных текстов о незапамятной старине, по отношению к французам применяется дегуманизирующий дискурс. Им приписывается столь избыточная жестокость, какая для манеры ведения войн в XIX в. была уже практически невыносима:

...Француз силу нашу бьет,
Он и силу нашу бьет,
Во полон живых берет,
Во полон живых берет,
Да с живых кожу дерет⁶⁵.

Активно применяются и обесчеловечивающие недруга зооморфные эпитеты:

Генерал наш казак Платов
Со правого фланту,
Глядит, смотрит, выглядает
В подзорную трубку:
Еще много ль у *собаки*
Неверные силы?⁶⁶

И так же, как в былинах, зооморфные прилагательные используются не только в качестве внешней характеристики врагов, но и во внутреннем их общении между собой. Например, вот как французские солдаты ропщут на своего предводителя:

Растужилась-расплакалась
Французская сила:
«Говорили мы ему, *собаке*:
Полно воевати,
Полно воевати, силушку теряти»⁶⁷.

Хищническая природа захватчика также описана безымянными авторами фольклорных текстов во всех красках. Приведу лишь несколько примеров:

Ахти горе великое,
Печаль-тоска несносная!
Поднималась туча грозная

⁶⁵ Исторические песни XIX века. С. 78.

⁶⁶ Там же. С. 73.

⁶⁷ Там же. С. 74.

Что на матушку Москву.
Наступила сила французская.
Она жжет ее и палит,
Весь народ пленит.
Пожгла ряды с товарами,
Дома барские, купечески...⁶⁸

* * *

...Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает⁶⁹.

* * *

Разоренный путь-дорожка
От Можайска до Москвы.
Ах да кто же ее разорил?
Неприятель вор-француз...⁷⁰

Однако всё же определяющей архетипической чертой фольклорных французов как иноземного врага является их антихристианская сущность. В воображаемом диалоге Наполеона с русскими казаками, предводитель французов обещает:

«Ах вы русские казаки,
Я в ногах вас истопчу,
Да в камену Москву зайду,
С церквей главы сниму,
В церкви коней заведу!»
Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не снимать тебе, злодею,
Золоты главы с крестов»⁷¹.

Мы видели, что мотив столь чудовищного святотатства, как превращение храмов в конюшни, использовался, еще в русских былинах для демонстрации безбожной сущности нехристей. Между тем, в России французские солдаты, действительно, часто становились в церквях на постой, вводя туда и своих лошадей. Они не вкладывали в подобные действия какого-либо антирелигиозного смысла, а просто следовали принятой у них практике: во французской армии палатки не использо-

⁶⁸ Исторические песни. С. 55.

⁶⁹ Там же. С. 56.

⁷⁰ Там же. С. 65.

⁷¹ Там же. С. 62.

вались и военнoслужашие либо устраивали бивуак под открытым небом, либо занимали имевшиеся в наличии нежилые помещения, обычно церкви или монастыри⁷². Точно так же они вели себя и в предшествующие кампании на территории западноевропейских стран без каких-либо особо негативных для себя последствий. Однако в 1812 г. такое их поведение воспринималось русскими как наглядное подтверждение той антихристианской сущности неприятеля, которой он собственно и должен был обладать согласно архетипическим представлениям «безмолвствующего большинства» об иноземном враге. Один из офицеров Великой армии позднее признавал: «Наполеон [...] не давал должных указаний войскам о сохранении церквей и охране духовенства и тем навлек ненависть народа на французов. *В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращают церкви в конюшни*»⁷³. Очевидно, подобные действия французов произвели на простой люд России весьма сильное впечатление, поскольку в фольклоре о 1812 г. мотив превращения церквей в конюшни звучит практически непрерывно. Например, в одной из народных песен французский император хвастается:

Ай да я добрых коней своих я расставлю
Все по божьим вот я по церквам⁷⁴.

Та же тема обсуждается и в воображаемом диалоге Наполеона с Кутузовым:

«...А российского генерала
Во ногах его стопчу,
Во ногах его стопчу,
Кременну Москву возьму,
По соборам, по церквам
Лошадушек заведу».
Ах российский генерал
Кутузов ему сказал:
«Ай что не быть тебе, собаке,
Во кремлевой нашей Москве,
Не видать тебе, собаке,
Золотых наших крестов,
Позолоченных голов»⁷⁵.

Не менее настойчиво звучит в устном народном творчестве тема преднамеренного разрушения французами православных церквей. Именно

⁷² См.: *Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011. P. 21.*

⁷³ *Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 44. Курсив мой. – А. Ч.*

⁷⁴ Исторические песни XIX века. С. 47.

⁷⁵ Там же. С. 62.

это вражеский предводитель обычно провозглашает основной целью вторжения. Так, одной из песен он угрожает русским генералам:

«Генералы, генералы,
Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей
Кресты-главы пособью!»⁷⁶

Широко распространенная и сохранившаяся в многочисленных вариациях песня о пребывании Наполеона в Москве подробно рассказывает, как подобные намерения реализовывались:

Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.
Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася,
Все божьи церкви развалилися,
Все божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися»⁷⁷.

То, что в фольклорных текстах врагам неизменно приписываются именно такие антихристианские намерения, показывает, что, согласно народным представлениям, в основе конфликта лежал религиозный мотив. Как говорилось в сказке о «Палеоне», французский правитель решил идти войной на Россию, «завидуя *благочестивой жизни* нашего батюшки-государя Олександры Павловича»⁷⁸.

Соответственно поражение Наполеона представляло в коллективном воображаемом божьей карой за совершенные святотатства:

Наперед идут князья, бояре
Впереди их идет Александра-царь,
Наголо несет он саблю острую:
«Ты злодей, шельма, Наполеон-король!
Ты зачем приходил в кременную Москву
И разорил ты наши все церкви божии?
За то на тебя Господь Бог прогневался,
Да и я, государь рассердился»⁷⁹.

⁷⁶ Исторические песни. С. 273.

⁷⁷ Исторические песни XIX века. С. 52.

⁷⁸ Народная проза. М., 1992. С. 257.

⁷⁹ Исторические песни XIX века. С. 71.

При подобном восприятии конфликта нас уже едва ли удивит широкое применение в фольклорных текстах к французам эпитета «басурман», ранее использовавшегося в отношении нехристианских, преимущественно мусульманских, народов:

Ты не хвастай-ко,
Вор-собака-басурман,
Своим славным Парижом⁸⁰.

В коллективных представлениях «безмолвного большинства» вторгшиеся в Россию французы оказались в одном ряду с врагами-иноверцами, которые ранее приходили войной на Русь и образ которых глубоко отпечатался в исторической памяти народа. Причем, если характеристику французов как грабителей, насильников и мародеров еще можно объяснить многочисленными фактами реального опыта тех русских людей, кому в 1812 г. довелось непосредственно столкнуться с неприятелем, то восприятие этого вооруженного конфликта как религиозного не имело под собой никаких объективных оснований и определялось исключительно архетипическими образами, укорененными в глубинах коллективной памяти. Русские мужики поднялись на религиозную войну против «нехристей-басурман», в коих видели смертельную угрозу для своей веры. Выступая перед партизанами, их вожак Герасим Курин говорил: «Вы народа *веры русской*, вы крестьяне *православны*, вы старайтесь за веру, умирайте за царя. Для чего мы есть крестьяне, чтоб за *веру* не страдать. Для чего же мы *православны*, чтоб царю нам не служить»⁸¹. В другом выступлении, текст которого сохранили источники, Курин призывал своих ратников «Постараться за Отечество свое и за *Дом Пресвятыя Богородицы*»⁸². Вологодские крестьяне в прошении 2 сентября 1812 г. писали: «Мы все, которые в силах, желаем к самому государю идти в воинскую службу за *Отечество православной христианской веры* с усердием нашим»⁸³.

Этот разрыв между объективным содержанием конфликта и его восприятием простым людом просвещенные современники отмечали с нескрываемым изумлением. Дворянин Л.А. Лесли писал, например, в дневнике, что крестьяне «готовились защищать Отечество от нахлынувших врагов-басурман, нехристей, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли»⁸⁴.

⁸⁰ Исторические песни XIX века. С. 65.

⁸¹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / Сб. документов под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 114.

⁸² Там же. С. 115.

⁸³ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. М., 1961. С. 285.

⁸⁴ Цит. по: Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 153.

Для борьбы с недругом, ставшим воплощением традиционного архетипа, вполне подходили те же самые средства, которые в глубокой древности защитники Святой Руси успешно применяли против ее врагов. Именно такой экстраполяцией былинных сюжетов на события 1812 г., вероятно, и была обусловлена чрезвычайная популярность в народе песни о допросе Кутузовым (в некоторых вариантах Платовым) французского майора, где русский генерал сначала расспрашивает пленного, а затем собственноручно избивает его, поскольку полученные показания не устроили допрашивающего. Подобная ситуация, совершенно немислимая в реальности, оказывалась вполне естественной для коллективно-воображаемого, поскольку воспроизводила былинную фабулу о допросе «татарина» Ильей Муромцем.

Илья Муромец и Идолище в Царьграде

Как начал у татарина допрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолище
А росту две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что лютое лоханище,
Глаза что пивные чашища,
А нос-от на роже с локоть был».
Хватил он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у него тут косточки⁸⁵.

Кутузов допрашивает французского майора

Начинает князь Кутузов его спрашивать:
«Ты скажи-скажи, майорик, сущую правду:
У вас много ль в Париже стоит силы?»
«Стоит силы в Париже сорок тысяч,
По приступу генеральскому сметы нету».
Как на это князь Кутузов да разсердился,
Как ударил он майора да по роже,
Он по роже да во правую щеку...⁸⁶

Впрочем, вербальным насилием дело не ограничивалось. То, как поступали русские крестьяне с захваченными в плен французами, заставляло просвещенных современников вспоминать о самых мрачных страницах средневековой истории. В деревнях пленных пытали, сжигали и хоронили заживо⁸⁷. Не довольствуясь теми французами, которых захватили сами, селяне платили достаточно солидные суммы казакам, выкупая у них пленников, дабы придать тех лютой смерти. Прикомандированный к русской армии английский генерал Роберт Томас Вильсон свидетельствует:

Недалеко от Вязьмы пятьдесят французов дичайшим образом сожжены заживо. В другой деревне пятьдесят человек живьем похоронены. Но все

⁸⁵ Былины. С. 158.

⁸⁶ Исторические песни XIX века. С. 58.

⁸⁷ Подробнее см.: *Рев М.-П.* Op. cit. P. 250–251.

эти ужасные проявления жестокости еще не самое страшное — они привели к смерти, заставив страдать относительно недолго. Здесь смерть, столь желанная, подобная долгожданному другу, пришла хоть и неспешно, но все же без мучительной задержки.

Назову три-четыре наиболее страшных случая, очевидцем которых я стал.

[...] 2. Шестьдесят умирающих обнаженных мужчин, чьи шеи лежат на стволе спиленного дерева, в то время как русские мужчины и женщины поют хором и пляшут вокруг них в хороводе, поочередно разбивая им головы ударами длинных палок⁸⁸.

Нам сегодня нетрудно понять смятение чувств просвещенного британца при виде подобной жестокости. Между тем, если обратиться к коллективным представлениям русского народа о прошлом, которые нашли отражение в фольклоре, мы увидим, что именно подобному обращению с пленными басурманами учил пример таких любимых народом героев, как, скажем, Илья Муромец:

Тут Илья взял-сломав ему [Калину-царю] белы руки,
Еще сломал собаке резвы ноги,
Другому татарину он сильному
Ломал ему белы руки,
Выкопал ему ясны очи,
Привязал собаку за плеча татарину,
Привязал его, сам выговаривал:
«На-ко, татарин, неси домой,
А ты, собака, дорогу показывай»⁸⁹.

Антихристианская и дегуманизированная природа врага ставила его вне морали и сострадания, допуская и даже предписывая по отношению к нему такое поведение, которое с подобными себе христианин вряд ли бы себе позволил. Характерно, что в описанном Вильсоном случае пыткам пленных французов был придан характер праздничного ритуала, олицетворявшего, по-видимому, торжество над поверженными врагами-нехристями. По свидетельству Вильсона, крестьяне старались максимально продлить страдания пленников, подвергаемых моральным и физическим мучениям, поскольку быстрая и легкая смерть тех стала бы «оскорблением русского Бога Возмездия, и они [крестьяне] могут лишиться его покровительства»⁹⁰.

⁸⁸ *Wilson R.* Private Diary of Travels, Personal Services and Public Events. L., 1861. Vol. 1. P. 214–215.

⁸⁹ Илья в ссоре с Владимиром // Былины. С. 145.

⁹⁰ *Вильсон Р. Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 211. Ср.: «Когда сии несчастные [французы] попадают [в плен], то делают крестьянам знаки, указывая на свою голову

Интересно, что мотивы подобных жестокостей народной массы по отношению к неприятелю были вполне понятны Кутузову, о чем говорит его разговор с Лористоном 5 октября 1812 г., переданный Р.Т. Вильсоном: «“Лористон поначалу жаловался на варварское обращение русских с французами”, но ему было указано “на невозможность за три месяца цивилизовать нацию, которая почитает неприятеля худшим врагом, нежели грабительская орда Чингиз-хана”. Лористон возразил на сие, что “всё-таки здесь есть некоторое отличие”. “Может оно и так, — отвечал Кутузов, — но отнюдь не в понятиях народа”»⁹¹.

Впервые за двести лет столкнувшись с опытом неприятельского нашествия, обитатели русской деревни, знавшие до того времени о бывших вторжениях иноземных «нехристей» лишь из произведений устной народной литературы, прибегли для борьбы с врагом именно к тем средствам, которыми когда-то пользовались их предки. Русские мужики подняли не просто, говоря словами Л.Н. Толстого, «дубину народной войны», что уже само по себе не сулило неприятелю ничего хорошего, они подняли ее для ведения войны религиозной, со всем присущим той истребительным, тотальным характером. И, пожалуй, лучше всего их отношение к происходившему мы сегодня можем выразить строками знаменитой песни, появившейся в годы уже другой Отечественной войны — Великой:

Идёт война народная,
Священная война!

или на сердце, чтобы поскорее их умертвили; но сие снисхождение не всегда им оказывается. Мужик думает, что миловать неприятеля есть согрешение». — Р. Вильсон — Лорду Кэткарту, 20 октября (1 ноября нов. ст.) 1812 г. // *Вильсон Р.Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812—1813 года. СПб., 1995. С. 206.

⁹¹ *Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях. С. 169.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>